
ЛОГИКА И ФИЛОСОФИЯ

*Вячеслав Мелас*¹

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ И ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ

Резюме: В статье рассматривается новый принцип, который назван принципом дополнительности философских категорий, на примере четырех пар категорий: восприятие/принятие, признание/поддержка, полагание/предположение и вещь/мир. Этот принцип заключается в следующем: некоторые философские категории не могут быть корректно проанализированы без параллельного рассмотрения категорий, которые их дополняют. Также рассматривается вопрос о соотношении понятий бытия и существования и связь категорий существования между собой и с тремя измерениями времени.

Ключевые слова: восприятие, принятие, признание, поддержка, полагание, предположение, вещь, мир, три измерения времени.

Viatcheslav Melas

THE PROBLEM OF EXISTENCE AND THE PRINCIPLE OF DUALITY OF PHILOSOPHICAL CATEGORIES

Abstract: The paper introduces a new principle called the principle of duality of philosophical categories by example of the four pairs of concepts: perception/accepting, recognition/support, believing/supposition, thing/would. This principle consists in the following: certain philosophical categories cannot be correctly considered without a parallel study of dual categories. We also consider the problem of the relation between the notions of being and existence and the connection between categories related to existence and three dimensions of time.

Keywords: perception, accepting, recognition, support, believing, supposition, thing, world, three dimensions of time.

1

В моей недавней статье (Мелас 2016) были рассмотрены шесть понятий, связанных с проблемой существования. Будем называть восприятие, принятие,

¹ *Мелас Вячеслав Борисович* — доктор физико-математических наук, профессор математико-механического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Viatcheslav Melas, D. Sc., Prof., Mathematics and Mechanics Faculty, Saint Petersburg State University.

vbmelas@yandex.ru

поддержку, признание, полагание и предположение категориями, поскольку, как нам представляется, ни одно из этих понятий не является частным случаем более общего понятия. По мотивам, которые будут вскоре описаны, мы объединим их в пары: восприятие/принятие, признание/поддержка и полагание/предположение. В предшествующей философской литературе первые категории из этих пар обсуждались часто и весьма детально, но без систематического сопоставления со вторыми категориями из этих пар². Что же касается вторых категорий пар из перечисленной шестерки категорий, им повезло гораздо меньше. Можно даже сказать, что принятие и поддержка если и упоминались, то не как философские категории, а скорее как понятия обыденной речи, без которой не обходится ни одно научное или философское исследование. Предположение выступало под именем возможности, что, как мы покажем, не одно и то же. Еще нам понадобятся категории вещи и мира, которые также обычно рассматривались если и не изолированно друг от друга, то без систематического параллельного анализа.

2

Поскольку в философской литературе речь чаще идет не о существовании, а о бытии, необходимо, хотя бы кратко, обсудить их взаимосвязь. По-видимому, во многих контекстах эти понятия используются как синонимы.

2 Джордж Беркли утверждает: «быть — значит быть воспринимаемым» (см.: Беркли, 1978). Морис Мерло-Понти фактически развивает этот тезис. «Стало быть, вопрос не в том, воспринимаем ли мы в действительности мир, напротив, все дело в том, что мир и есть то, что мы воспринимаем» (Мерло-Понти 1999: 16). Однако ни у Мерло-Понти, ни тем более, у Беркли мы не находим ни сопоставления понятий «восприятие» и «принятие», ни ссылки на языковую подсказку. Эта подсказка особенно четко зафиксирована в русском языке: восприятие как повторное принятие (приятие) того, что уже принято (см.: Мелас, 2016). Категория признания систематически разрабатывалась Георгом Гегелем (Гегель 1992: 93–123) в контексте анализа самосознания. Недавно в ряде работ исследовались различные подходы к категории признания. В частности, в работе (Лехциер 2014) рассматривались коммуникативные аспекты признания. Там же можно найти систематический обзор современной философской литературы по этой теме. Понятие признанности рассматривалось также в работах (Мелас 2001, 2015).

Понятие полагания можно трактовать различными способами. В русском переводе тезис Иммануила Канта о бытии имеет следующий вид (перевод В. В. Бибихина): «Бытие явно не есть реальный предикат, т. е. понятие о чём-то таком, что могло бы входить в понятие той или иной вещи. Оно есть просто полагание вещи или известных определений самих по себе» (Хайдеггер 1993). Таким образом, полагание вещи можно толковать как способ ее бытия для нас. Если этот тезис трактовать в контексте математических понятий, то он представляется совершенно справедливым. Если мы говорим: «Положим, $x = 5$ », то, пока мы не откажемся от этого полагания, так оно и будет. Если же мы говорим о реальности в более широком контексте, то дело обстоит сложнее. Хайдеггер выстраивает контекст использования понятия полагания у Канта таким образом, что оно становится предтечей понятия «вот-бытия» (Хайдеггер 1993). В данной работе мы существенно иным образом толкуем понятие полагания. Это будет видно из дальнейших построений.

В некоторых языках, например, в испанском и китайском, вообще нет аналога понятию бытия. Давайте обратимся к речи на русском языке (повседневной, научной или философской), но не с помощью какого-то формального лингвистического анализа, применимого к любому, в том числе, иностранному, языку, а будем вслушиваться в речь на родном русском языке. Бытие — это существующее, т. е. вещь или более общим образом некоторое сущее, вместе с фактом своего существования: скажем, камень или человек. Это может быть и все существующее, как, например, в тезисе «бытие определяет сознание» или в стихотворной строчке «под знойным солнцем бытия». В этом смысле бытию противостоит ничто, небытие. В недавней диссертационной работе (Чжан 1993: 3) интересующее нас различие проводилось следующим образом. «Главное различие между бытием и существованием заключается в том, что если бытие обозначает [существующий] предмет, (...) то существование представляет собой только одно свойство предмета — наличие». Однако трактовка существования как наличия представляется по крайней мере упрощенной (о чем подробно мы будем говорить далее).

Итак, представляется верным утверждение, что бытие — это существующая вещь или совокупность всех существующих вещей. Таким образом, логично обсуждать именно понятие существования, как более простое, но составляющее основу понятия бытия.

3

Что мы имеем в виду, когда говорим, что нечто — вещь или явление — есть, существуют для нас? Мы говорим, например, что в лесах Африки есть слоны, или что на Солнце есть элемент под названием «гелий». Существует поэма лорда Байрона «Дон Жуан». Но существует и обычай здороваться при встрече. Есть законы природы, существуют прямоугольные треугольники, и «есть в осени первоначальной, короткая, но дивная пора» (Тютчев).

Но возможно, нам скажут, что эти примеры слишком разнообразны и мало совместимы. Давайте задумаемся, есть ли в этих примерах что-то общее. И если есть, то, что именно. Прежде всего, заметим, что каждая из перечисленных «вещей» есть, или существует, в своем особом мире. Слон — в мире природы, или точнее, в мире диких зверей. Элемент гелий — в мире объектов, описываемых физической наукой, связанных некоторым образом с «реальным», наблюдаемым миром, но имеющих и свою особую природу — природу научных понятий, призванных объяснять мир, но не заменять его собой. Поэма Байрона принадлежит к миру художественной литературы. Обычай здороваться при встрече — к миру повседневной жизни. Законы природы суть способы объяснения некоторых наблюдаемых регулярностей окружающего мира. А прямоугольный треугольник существует в математическом мире, но также

он существует и как идеализация некоторых чувственно воспринимаемых вещей и воспроизводится, например, в строительной практике. «Короткая, но дивная пора» относится к области поэтического восприятия природы.

Конечно мы, так или иначе, объединяем эти особые миры в единый мир. Но, чтобы в этом разобраться, нужно сначала понять, как устроен каждый из этих миров в отдельности. И, в частности, решить вопрос о том, в каком смысле можно говорить о существовании этих различных миров.

Здесь будет уместно сформулировать общий принцип, который можно назвать *принципом дополнительности философских категорий*. Этот принцип заключается в следующем: *некоторые философские категории не могут быть корректно проанализированы без параллельного рассмотрения категорий, которые их дополняют*. Мы оставим в стороне вопрос о совокупности категорий, к которым применим этот принцип, и сосредоточим внимание на четырех парах категорий, о которых идет речь в настоящей статье.

4

Мы обычно не замечаем, что любая вещь или явление может существовать только в некотором мире. Например, жизнь в ее известном нам виде может существовать только на Земле (или на другой планете со сходными параметрами — наличие атмосферы и определенного диапазона температур). Да и просто почти любой камень, как он есть, может находиться только на Земле. Не говоря уже о столах и стульях, которые появились только в последние века и не существовали раньше. А использование некоторым лицом определенных слов и выражений свидетельствует о том круге людей, в котором вращается данное лицо и который тоже есть некий мир. Таким образом, категория вещи (или явления) подразумевает мир, которому она (или оно) принадлежит. Это приводит нас к весьма важному выводу. Существовать для вещи или явления — значит принадлежать к некоторому миру. Этот вывод позволяет лучше понять двойственную природу существования, о которой говорит Хайдеггер во введении к «Бытию и времени»: «Бытие есть само собой разумеющееся понятие. Во всяком познании, высказывании, во всяком отношении к сущему, во всяком к-себе-самому-отношении делается употребление из „бытия“, причем это выражение „безо всяких“ понятно. Каждый понимает: „небо *было* синее“; „я *буду* рад“ и т. п. Однако эта средняя понятность лишь демонстрирует непонятность. Она делает очевидным, что во всяком отношении бытия к сущему (...) а priori лежит загадка» (Хайдеггер 1997: 3).

Наше объяснение этой «понятности» и «загадочности» состоит в следующем. Существование вещи «понятно», поскольку мир, которому она принадлежит, имеется в виду. Одновременно существование загадочно, так как степень и вид зависимости вещи от мира, которому она принадлежит, остается

неопределенным и в каждом отдельном случае эта зависимость должна учитываться с разной степенью подробности и четкости. Наблюдение Хайдеггера представляется чрезвычайно важным. Но мы попробуем дать ему иное объяснение, которое основано на параллелях с теорией множеств. Нам здесь не понадобятся специальные математические термины, а лишь только само понятие множества, которое мы все используем и за пределами математики. Понятие множества не поддается определению. Его можно лишь пояснить на примерах. В качестве примеров можно взять множество целых чисел, множество людей на площади и, скажем, множество пальцев на руке. Множество определяется своими элементами. В простейших случаях, приведенных выше, их можно просто перечислить. Важно то, что элементы понимаются как элементы некоторого множества, а множество — как состоящее из элементов. Таким образом, понятия множества и элемента являются дополнительными в предложенном нами смысле.

Вот так же и вещи составляют некоторый мир, а мир состоит из вещей (и связей между ними). Когда Иммануил Кант говорит, что существование (бытие) не является свойством вещи, это можно понимать именно так, что существование заключается не в самой вещи, а в ее принадлежности некоторому миру. При этом вещь можно помыслить как бы саму по себе, оставляя неопределенным контекст. Некоторые вещи (и явления) очень тесно связаны с определенным миром, тогда как другие, так сказать, нейтральны. Например, характерное слово, употребленное человеком, «выдает» его принадлежность определенной среде. Вот замечательный фрагмент из романа Марселя Пруста «У Германтов»: «Мне казалось, что в своей среде Альбертина не могла почерпнуть слово „замечательный“ в том смысле, какой придавал ему мой отец. Я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь в семье Симоне употребил слово „отбор“ даже в применении к гольфу, так же как сочетание существительного „отбор“ с прилагательным „естественный“ не найдешь ни в одной книге, изданной за несколько столетий до выхода трудов Дарвина. „Период времени“ я принял за еще более добрый знак. Наконец, для меня стало очевидным, что в жизни Альбертины произошли неизвестные мне, но несомненные и притом обнадеживающие меня потрясения, когда Альбертина проговорила самодовольным тоном человека, к мнению которого прислушиваются: „С моей точки зрения, это наилучший выход... Я полагаю, что это самое мудрое решение“» (Пруст 1999: 357). Подобным образом палеонтолог говорит, что может полностью описать организм ископаемого зверя даже по одной его кости.

Что же касается существования самих миров и их объединения в единый мир, оно проявляется через появление принадлежащих им вещей. Неправильно спрашивать: существует ли мир. Правильно задаваться вопросом, как

он устроен. Таким образом, вещь и мир образуют пару дополнительных категорий, которые требуют параллельного анализа. Что мы здесь и пытаемся осуществить.

5

Беркли говорит: «существовать — значит быть воспринимаемым». И в самом деле. Рассмотрим случай зрительного восприятия. Я вижу стул и заключаю, что вот передо мной — стул. Он есть, он существует. Однако что, собственно говоря, здесь происходит? Я вижу предмет, который я принимаю за стул. Не уподобляемся ли мы, в некоторых случаях, тому известному герою испанской литературы, который ветряные мельницы принимал за великанов? Откуда мы вообще знаем, что стул — это стул? И почему мы (хотя иногда и подвержены зрительным иллюзиям) принимаем этот видимый стул за «реально существующий». И что, собственно, значит это «реальное существование» (в данном конкретном случае и других)?

Когда мы говорим о существовании зрительно воспринимаемой вещи, мы подразумеваем, что и другие, находясь на этом месте, увидели бы эту вещь (скажем, стул) и мы сами, вернувшись в это место, вновь увидели бы эту вещь (если она не будет унесена или переставлена). Мы, далее, предполагаем (обычно не отдавая себе в этом полного отчета), что эту вещь можно потрогать или переместить, сломать или, напротив, использовать по назначению — например, сидеть на стуле или жить в доме. И тут нам подсказывает сам язык: воспринимать — значит повторно принимать что-то, уже принятое нами. И у нас уже есть для этого предмета подходящее слово. Слова и предназначены, в частности, для того, чтобы обозначать предметы, многократно используемые в быту или в науке. Мартин Хайдеггер справедливо замечает: «Фактически самые простые вещи восприятия <...> всегда уже выражены и более того, определенным образом про-интерпретированы. Изначально и впервые мы не столько видим предметы и вещи, сколько говорим о них, точнее мы с самого начала говорим о вещи не то, что видим в ней, но напротив: видим в ней то, что о ней говорят другие» (Хайдеггер 1998: 61). Но попробуем разобраться, как восприятие и принятие обуславливают друг друга.

Рассмотрим ряд примеров, которые позволят нам лучше понять, что такое принятие. Я могу принять решение, скажем решение бросить курить. Это решение изменяет мир, в котором я живу. Сигареты есть, а курить их нельзя. Или скажем, абитуриент принят в университет. Теперь он должен ходить на занятия и сдавать экзамены, если он хочет оставаться студентом. Другие примеры: принятие христианства отдельным человеком, или крещение Руси (которое знаменовало принятие христианства на государственном уровне). Мир

христианина отличается от мира язычника или атеиста. Таким образом, принятие означает вступление в некий мир, который может иметь много общего с другими мирами и, все же, отличается от них.

Конечно, нам могут возразить, что человек, принявший православие, не всегда ведет себя как православный. Но он, по крайней мере, понимает, что поступает не по совести. Студент может не справиться с учебной программой, но в таком случае будет отчислен из университета. Всякое принятие (как, впрочем, и восприятие), подразумевает определенную подготовку и готовность (об этих категориях см.: Мелас 2005). Чтобы принимать и быть принятым, необходимо соответствующим образом воспринимать окружающий мир. Принять православие и быть православным — это по сути одно и то же.

Восприятие и принятие образуют пару дополнительных философских категорий, которые подразумевают друг друга. Нельзя принимать, не воспринимая и невозможно воспринять, не принимая.

6

Насколько нам известно, признание как философская категория, впервые рассматривалось Георгом Гегелем в «Феноменологии духа» (Гегель 1992: 93–123). Однако Гегель не анализирует феномен признания в интересующем нас аспекте — признание как способ существования. Широко известен жизненный путь художника Ван Гога, сумевшего продать только одну картину, произведения которого ныне составляют славу музеев и имеют огромную рыночную цену. В работе (Мелас 2015) мы постарались показать, что признание художника или писателя означает присоединение к группе людей, которые также его признают, и что признание подразумевает поддержку. Причем поддержка заключается не только и даже не столько в прямой «материальной» поддержке путем покупки произведений, но и просто в отстаивании доброго имени. Для того, кто способен воспринять произведение искусства, оно становится поддержкой в трудные минуты жизни. Роль искусства состоит, однако, не только в индивидуальном обогащении внутреннего мира читателя или зрителя, но также и в распространении готовности к общественно значимым формам переживания, поведения и действия. «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал» (А. С. Пушкин, «Памятник»).

Но не менее важными являются и другие случаи признания. Признание исторического факта и признание в любви. Признание независимости вновь возникшего государства. Признание научной концепции и общественного движения. Во всех этих случаях признание подразумевает поддержку. То есть признание — это форма существования, опирающаяся на общественную и (или) индивидуальную поддержку и помощь. Увлечшись теориями субъекта, мы как-то забываем, что человек живет среди предметов, им созданных, и во взаимодействии с другими людьми. На наш взгляд, именно в этом состоял

прорыв экзистенциальной философии и тезис о «бытии-в-мире» (Хайдеггер 1997).

Признать что-либо означает сделать его существующим путем поддержки. А поддержать значит — признать. Признание и поддержка подразумевают друг друга.

7

Чтобы перейти к категориям полагания и предположения, нам понадобится четко обозначить три измерения времени — прошлое, настоящее и будущее. Начнем с настоящего. Под настоящим мы будем понимать то, что в некоторых грамматиках (например, в грамматике английского языка) называется неопределенное настоящее (*present indefinite*). Рассмотрим утверждение: я живу в Санкт-Петербурге. Это значит, что я какое-то время жил и все еще живу в городе, который сохраняет свое название и по сути, в главном, остается тем же самым городом. Настоящее — это некоторый неопределенный интервал времени, в течение которого интересующие нас вещи остаются «теми же самыми». То есть они, конечно, меняются, но незаметным или несущественным образом с точки зрения рассматриваемых обстоятельств.

Аналогичным образом, прошлое (*past indefinite*) понимается как некоторый неопределенный промежуток времени, в течение которого, как в настоящем, ничего (в принципе) не менялось, но который теперь, в настоящем, уже позади в силу произошедших существенных изменений (скажем, я переехал в другой город, поступил на новую работу или женился). Или произошли серьезные изменения в окружающем мире. Наступило лето, пришло к власти новое правительство или город был разрушен землетрясением. Эту неопределенность границ промежутка вполне можно сопоставить с неопределенностью условий, которые позволяют некоторой вещи или явлению существовать. Прошлое мы вспоминаем как некоторое целое, хотя эта целостность остается не полностью внятной и определенной.

Неопределенное будущее — это промежуток времени, который ожидается нами в свете некоторых планов и надежд. Он подобен прошлому и настоящему, но дан только в воображении и рассуждении. Его нельзя вспомнить как прошлое или ощутить как настоящее.

Мы теперь готовы уточнить границы между признанием/поддержкой, принятием/восприятием и полаганием/предположением. Признание и поддержка относятся к прошлому. Когда мы говорим о признании факта или признании художника, речь идет о том, что некоторым образом уже состоялось и может уйти в небытие, если мы не будем поддерживать память о нем. Более того, нечто становится прошлым именно потому, что мы признаем его таковым. Настоящее не нужно и невозможно признавать. Оно также не нуждается и в поддержке. Оно просто есть, и его можно и нужно только принять

и воспринять. А будущее невозможно признавать, поддерживать, принимать или воспринимать. Можно только строить предположения о нем и полагать его через проекты. Будущее для нас – это не то, что через некоторое время фактически произойдет (и станет настоящим), а то, что мы планируем, о чем мечтаем, чего ждем, на что надеемся и чего боимся. Напротив, прошлое невозможно предполагать или полагать. Его можно только признавать и поддерживать. И настоящее невозможно предполагать или полагать.

Таким образом, три наших пары категорий маркируют три измерения времени.

8

Теперь остановимся более подробно на понятиях предположения и полагания. Категория предположения является уточнением категории возможности. Рассмотрим такой пример. Двое военных наблюдают в бинокль осажденный город. И видят странные огни. Возможно, они запустили трамвай, говорит один. Формально это высказывание относится к прошлому: уже запустили. Но огни они видят сейчас, в настоящем, причем в смысле «длящегося настоящего» (present continuous). И все же категория возможности относится к неопределенному будущему. Если они запустили трамвай, значит, еще продержатся некоторое время. *Предположением мы называем возможность, сформулированную в виде утверждения.* И тут надо сказать, что вся наука связана с предположениями. Научные высказывания имеют следующий вид: если и когда будут выполнены некоторые условия, такое-то предположение окажется истинным утверждением. В математике есть базовые предположения (называемые аксиомами) и выводимые из них утверждения (называемые теоремами). Мы принимаем аксиомы и способы вывода за истину и предполагаем (!), что не сделали ошибок. И тогда наши утверждения полагаются истинными. Эти предположения обычно даже не рассматриваются в качестве предположений (а молчаливо принимаются за истину). Таким образом, научные положения всегда (!) сохраняют индекс предположительности. Вместе с тем, время от времени предположения и положения проверяются: в математике на примерах, в физике и других естественных науках — в экспериментах (но, скажем, в области исторических фактов проверка на примерах и в эксперименте неосуществима). Поэтому, мы можем сделать вывод о том, что полагание и предположение являются парой дополнительных категорий во введенном нами смысле.

Прошлое мы признаем и поддерживаем, настоящее принимаем и воспринимаем, а будущее полагает и предполагаем. Поэтому шесть основных категорий существования можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица категорий бытия и времени

БЫТИЕ	признание / поддержка	восприятие / принятие	полагание / предположе- ние
ВРЕМЯ	прошлое	настоящее	будущее

9

Когда мы говорим о существовании чего-либо (или кого-либо), мы молчаливо подразумеваем, что оно доступно обычным способом (с помощью органов чувств) прямо или опосредованно (с помощью каких-либо устройств) нам или кому-то другому, кто находится в нужном месте, сейчас и некоторое время спустя в неопределенном настоящем. Поэтому Джордж Беркли прав, когда утверждает, что быть — значит быть воспринимаемым. Но существование связано также с неопределенным прошлым и неопределенным будущим (что было, то и будет, утверждает Экклезиаст). Для человека будущее, возможное и полагаемое, даже важнее настоящего. Поэтому Мартин Хайдеггер утверждает, что Dasein («вот-бытие» или «присутствие»), то есть, говоря обычным языком, человек, есть не то, что он есть, а то, чем он может быть. То есть принимается во внимание аспект полагания, не учтенный Беркли, но зафиксированный Кантом. Но человек также есть то, что он признает и удерживает из прошлого.

На категорию признания обратил внимание Гегель, эта категория в последние годы привлекла внимание многих исследователей (о чем мы упоминали в начале этой работы). Для Гегеля история имеет огромное значение. Он постоянно подчеркивает преемственность своих идей, их происхождение из мысли предшественников. Но, собственно, «темпоральный» анализ (употребляя модное феноменологическое словцо), а именно фиксирование внимания на том, что признание связано с состоявшимся прошлым, у Гегеля отсутствует (возможно, потому, что для него единство времени, прошлого, настоящего и будущего подразумевается «само собой»).

Прошлое существует для нас, поскольку мы его признаем и поддерживаем. Настоящее мы принимаем и воспринимаем. А благодаря полаганию у нас есть будущее, хотя полагание всегда в той или иной степени предположительно.

Итак, предлагаемая концепция объединяет и проясняет наблюдения и идеи предшественников, и, по-видимому, в представленной форме является новой.

Литература

- Беркли 1978 — *Беркли Дж.* Сочинения / пер. А. Ф. Грязнова, Е. Ф. Дебольской, Е. С. Лагутина, Г. Г. Майорова, А. О. Маковельского. М.: «Мысль», 1978.
- Гегель 1992 — *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета. СПб: «Наука», 1992.
- Лехциер 2014 — *Лехциер В. Л.* Вступление в разговор: Заметки о коммуникативном признании // Вестник Самарского Государственного Университета. 2014. № 5 (161). С. 37–44.
- Мелас 2001 — *Мелас В. Б.* Признанность и Логос // Логико-философские штудии. 2001. Т. 1. С. 97–115.
- Мелас 2005 — *Мелас В. Б.* Готовность и предварительное переживание // Логико-философские штудии. 2005. Т. 3. С. 353–376.
- Мелас 2015 — *Мелас В. Б.* Феноменология признания // Логико-философские штудии. 2015. Т. 13. С. 200–210.
- Мелас 2016 — *Мелас В. Б.* Шесть способов существования // Логико-философские штудии. 2016. Т. 14. С. 224–231.
- Мерло-Понти 1999 — *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. Д. Калугина, Л. Корягина, А. Маркова, А. Шестакова под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб: Ювента; Наука, 1999.
- Пруст 1999 — *Пруст М. У* Германтов / пер. с фр. Н. М. Любимова. СПб: 1999.
- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Тезис Канта о бытии // Хайдеггер. М. Время и бытие (статьи и выступления) / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: «Республика», 1993.
- Хайдеггер 1997 — *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер с нем. В. В. Бибихина. М.: «AD MARGINEM», 1997.
- Хайдеггер 1998 — *Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / пер. с нем. Е. В. Борисова. Томск: Водолей, 1998.
- Чжан 1993 — *Чжан Б.* Проблема существования в философии и науке. Автореферат дисс. ... канд. филос. наук. СПб: 1993.